

*Моему мужу Александру.
С любовью*

Свет фар вырвал из темноты фигуру женщины в белом плаще. Она застыла на обочине дороги, а я испуганно шарахнулась вправо, боясь ненароком ее зацепить. Подъездная дорога к дому отца совсем узкая, две машины не разъедутся. Дом последний в переулке, по сути, это тупик, и я с некоторым удивлением подумала: «Кто эта женщина?» Точнее, что ей здесь понадобилось? Забрела случайно, не зная, что попасть на соседнюю улицу отсюда невозможно?

Я затормозила перед воротами, ожидая, когда створки разойдутся в стороны, и посмотрела в зеркало. Женщина все еще стояла на обочине. Не знаю, почему меня это насторожило. Она смотрела в мою сторону, а у меня по спине вдруг прошел холодок, что-то в ее фигуре показалось знакомым, не явное, но уже тревожащее. Я, глядя в зеркало, продолжала стоять возле ворот. Потом, точно опомнившись, проехала вперед, и глаза вновь вернулись к зеркалу. Женщина стояла не шевелясь, будто что-то разглядывая. Ворота начали закрываться, а она вдруг быстро пошла к дому. На мгновение свет фонаря у ворот

упал на ее лицо, а я заорала: «Мама!», чувствуя, как сердце ухнуло вниз.

И тут ворота закрылись.

— Мама, — пробормотала я, потому что сил кричать больше не было, впрочем, их все-таки хватило на то, чтобы выбраться из машины.

Я постояла, держась за дверцу, боясь, что могу свалиться в обморок, а потом бросилась к калитке. На то, чтобы отпереть ее, потребовалось время, я запоздало подумала, что проще было бы открыть ворота. Когда я, наконец, распахнула калитку, на подъездной дороге никого не было. Вглядываясь в темноту, я нерешительно позвала:

— Мама...

Мне никто не ответил. Помедлив, я направилась к тому месту, где пару минут назад видела ее. За столь короткое время достигнуть улицы, от которой вела дорога к дому, она бы не успела. Разглядеть белый плащ я бы смогла, если женщина, конечно, не прячется за густыми туями. Вопрос, зачем моей матери прятаться? Впрочем, как и бродить поздним вечером возле своего дома. При том, что уже четыре года ее безуспешно ищут: и полиция, и мой отец.

Я замерла на границе света, доходившего сюда от фонарей возле ворот. Примерно здесь она стояла. Попыталась разглядеть следы на песчаной обочине, уже сомневаясь, видела я женщину или это плод моего воображения. Если это не глюки, значит, ей одна дорога: за туями между соседскими заборами был узкий проход. Вступив на тропинку, я сразу же оказалась в темноте и немного постояла, ожидая, когда глаза привыкнут и начнут различать хоть что-

то. Прислушалась. Где-то рядом заработал двигатель машины, шины заскрипели по гравиию, а потом все стихло. Я все-таки дошла до конца забора и оказалась на соседней улице. Движение здесь особо оживленным не назовешь, но машин хватало, даже в это время.

Развернувшись, я зашагала к дому. Достигнув калитки, задрала голову, разглядывая звезды, и постаралась успокоиться. Какая-то женщина действительно чем-то похожая на мою мать, оказалась возле нашего дома. Возможно, она о чем-то хотела спросить меня, вот и направилась к воротам, а потом передумала. И поспешно скрылась? Все это довольно странно, время для одиноких прогулок не самое подходящее, впрочем, как и место. Но хоть как-то, да объяснимо. А вот на вопрос, с какой стати маме так себя вести, я бы точно не смогла ответить. Не было ответа и на главный вопрос: куда и почему она исчезла четыре года назад?

Абсолютно благополучная семья, где все любят друг друга... и вдруг однажды все летит к чертям. Первое время я надеялась, искала объяснения. Авария, амнезия... что угодно. Когда прошло полгода, объяснений практически не осталось, но я все равно надеялась. Впервые слово «убийство» было произнесено примерно тогда, не отцом и не мною. Матерью моей подруги. Она была уверена, что я ее не слышу. Оказалось, отец все это время был под подозрением, хотя никто обвинений ему не предъявлял.

О маме по-прежнему не было никаких сведений, карточками она не пользовалась, поиски ничего не дали. Она просто исчезла. Оказалось, так бывает.

За четыре года я научилась жить без нее, но смириться не могла. Не зря говорят: неизвестность мучительна. Наверное, даже смерть близкого человека перенести легче, чем эту выматывающую неопределенность, когда готов поверить всему... Так и до глюков недалеко.

«Они и не заставили себя ждать», — мрачно усмехнулась я, входя в калитку.

Дверь в дом была открыта, на крыльце стоял отец.

— Нюся, — позвал он.

Нюсей меня в шутку звала мама, папу это скорее сердило, он предпочитал называть меня «Анечкой» или «Анютой», но, когда мамы не стало рядом, вдруг начал обращаться ко мне именно так.

— Привет, — отозвалась я и помахала ему рукой.

— Ты куда ходила? — В голосе отца слышалось беспокойство.

— Кошка выскочила прямо под колеса, — соврала я, приближаясь. — Испугалась, что я ее задела... вот и пошла взглянуть...

Папа обнял меня и поцеловал.

— И что кошка?

— Надеюсь, цела. На дороге ее точно нет.

Мы вошли в дом. Когда исчезла мама, я училась в Москве, вернувшись в родной город, стала жить отдельно, сначала на съемной квартире, потом в своей, разумеется, купленной на папины деньги. Жить в этом доме я не могла и удивлялась, как папа может. Хотя на самом деле все должно быть просто: этот дом связывает его с мамой, и отец считает, пока

он живет здесь, есть надежда, что однажды все вернется — и мама, и счастье...

Выходные мы, как правило, проводили вместе. Последние пару лет дом уже не вызывал у меня такого неприятия, как поначалу. В любом случае переезжать папа не собирался, следовательно, с этим надлежало смириться. Что я, в общем-то, и сделала.

— Как дела? — спросил папа, когда мы оказались в просторной кухне-столовой.

— Нормально, — пожала я плечами.

— Сейчас тебя кормить буду.

— Шутишь? Половина одиннадцатого.

— Уверен, ты не ужинала. И скорее всего, не обедала.

— Не угадал. Сегодня с девчонками в кафе встречались...

— Да? Что ж, тогда давай пить чай.

Мы устроились за столом, через некоторое время я поймала себя на том, что таращусь в чашку в надежде найти ответ на вопрос: привиделась мне женщина в белом плаще или нет? Точнее, была ли она похожа на мою мать.

— У тебя все в порядке? — спросил отец, как видно, мой интерес к чашке без внимания не остался.

— Да... пришла одна идея... Извини.

«Почему бы не рассказать папе?» — подумала я.

В первый месяц мы много говорили о маме, наперебой убеждая друг друга, что она вот-вот найдется. Потом замолчали, а в последнее время и вовсе избегали этой темы.

— Папа, — собравшись с силами, позвала я, — ты считаешь, ее нет в живых?

Отец такого вопроса не ожидал. Посмотрел как-то странно, вздохнул, почесал бровь указательным пальцем — верный признак того, что ему надо подумать, прежде чем ответить.

— Почему ты спросила? — наконец произнес он. — Я имею в виду... почему вдруг сейчас?

— Не знаю, — пожалала я плечами. — Но... когда-нибудь нам придется поговорить об этом.

— Да, — кивнул он. — Ты права. Наверное, в самом деле нам нужно поговорить... Нюся, если бы мама была жива... я не представляю, что могло ее заставить бросить нас... Допустим, я еще могу придумать причину, по которой она оставила меня, внезапно вспыхнувшая страсть, к примеру... Хотя это, скорее, уже кинематограф. В реальной жизни человек мучается, пытаясь решить, как поступить, а потом ставит в известность мужа, что хочет развестись... если предпочтет любовника. Мне казалось, я хорошо знаю твою маму. Она не из тех женщин, что изменяют мужу. Допустим, я ошибаюсь. Но тебя она бы в любом случае никогда не оставила. Никогда. И ты это знаешь. Ее бесследное исчезновение ставит в тупик, я тысячи раз думал, что могло произойти в тот день... Что-то страшное, Нюся. И теперь у меня одна надежда: что я когда-нибудь узнаю...

— Ты ведь обращался к частному детективу?

— Его рекомендовали как профи по розыску пропавших.

— И никаких следов?

— Ты же знаешь, — вздохнул отец. — Ее нет. Я не сомневаюсь. Вопрос, как и где это произошло.

— И на чудо рассчитывать не приходится?

— На пресловутую амнезию? Всех, кто не мог ничего сообщить о себе, давно проверили. Женщин среди них совсем немного. Кто-то удерживает ее силой? Обычно таких, как твоя мама, похищают с намерением получить выкуп. Ко мне никто не обращался. Родителей твоей мамы давно нет.

— Что же получается? — пробормотала я.

— Несчастный случай — единственное разумное объяснение, — сказал отец. — Она погибла, а виновник ее гибели, испугавшись, спрятал тело.

— А если... если маму вынудили бросить нас? — не очень уверенно предположила я.

Отец криво усмехнулся.

— Кто? Зачем? И кому от этого польза? Поверить в инопланетян не дает здравый смысл. Кто еще? Спецслужбы? Ничуть не лучше инопланетян. Ты же знаешь, как она тебя любит... любила. Когда ты уехала в Москву, мне пришлось уговаривать ее не звонить тебе каждый час... Она бы нашла способ связаться с нами, уж можешь поверить. Твоя мама не из тех, кто опускает руки.

«Сказать ему? — думала я. — Скорее всего, это лишь прибавит ему беспокойства. Мало того, что жены лишился, теперь дочери бог знает что мерещится».

Мы допили чай и перебрались в гостиную, устроились на диване поближе друг к другу, смотрели телевизор и почти не разговаривали. Я знала,

о чем думает отец, и почти жалела, что завела этот разговор.

После двенадцати он взял пульт и сказал:

— Давай-ка спать. — И я согласно кивнула.

Поднялась в свою спальню, постояла под душем, а затем устроилась на подоконнике, открыв настежь окно. Сна ни в одном глазу. Папа прав: разумных объяснений нет. И мама действительно из тех людей, кто никогда не опускает руки. Она нашла бы способ связаться с нами. Со мной.

Я не сказала отцу месяц назад и сегодня промолчала. Тогда — сочтя письмо чьей-то дурацкой шуткой, а сегодня... не знаю почему.

Месяц назад в мой день рождения по электронке пришло письмо. Короткое. «Доченька, я так люблю тебя и так счастлива, что ты у меня есть. Поздравляю тебя и желаю счастья огромного-преогромного. Твоя мамочка».

Читая письмо, я стискивала зубы от злости, ни минуты не сомневаясь: это гнусная шутка. Мама бы вряд ли написала нечто подобное, «доченька» и «мамочка» вообще не в ее стиле. Папа прав, мама очень меня любила, беспокоилась, донимала звонками, однако обходилась без сюсюканья. Она была веселой, немного насмешливой, подтрунивала надо мной, придумывала смешные прозвища, вместо «вертихвостки» говорила «хвостовертка» и звала Нюсей или Нюркой, весело фыркая. Но теперь, после разговора с отцом, я подумала: а вдруг... Вряд ли бы моя мама написала нечто подобное, но это та мама, которую я знала четыре года назад. Вдруг

что-то заставило ее измениться. Чему удивляться, если это что-то заставило ее исчезнуть?

Умом я понимала: папа прав, единственное внятное объяснение — ее нет в живых. Письмо произвело на меня куда большее впечатление, чем я могла бы предположить, оттого в случайных прохожих мне и мерещатся знакомые черты.

Однако все эти размышления отнюдь не успокоили, напротив, теперь я скорее удивлялась категоричности, с которой я отнеслась к электронному письму. Сейчас, после слов отца, все виделось совершенно в ином свете. Почему бы не предположить почти невозможное? Мама жива, и она связалась со мной. Со мной, а не с отцом? Когда она исчезла, я уже несколько лет жила в Москве, дома появлялась далеко не каждый выходной. В столице были друзья и масса возможностей отлично провести время. Родители приезжали ко мне куда чаще. По делам им приходилось бывать в Москве еженедельно, что избавляло меня от необходимости выполнять дочерний долг.

В последний год они редко приезжали вдвоем. Если честно, я такого вообще не могла припомнить. Никаких подозрений тогда это обстоятельство у меня не вызвало. У родителей общий бизнес, год от года он расширялся и, разумеется, требовал внимания. В тот последний год они не ездили отдыхать, как обычно.

Сколько я себя помнила, мы отдыхали дважды в год, две недели зимой и месяц летом. Когда я стала старше, к этому прибавились поездки с мамой в Лондон, она считала, это необходимо, чтобы

подтянуть мой английский. После первого курса я впервые отправилась отдыхать без родителей, в компании подруги. Собственно, на этом семейные поездки закончились. Мне нравилось отдыхать с друзьями, и мама с папой отнеслись к этому с пониманием.

Они хотели купить квартиру в Болгарии, потом вдруг передумали. Мама сказала, что мне наверняка захочется побывать в разных местах и я не стану проводить все каникулы в Болгарии, а у них с папой просто нет времени бывать там часто. О квартире следует подумать ближе к пенсии. Объяснение показалось вполне разумным. Хотя, если честно, и сама покупка, и внезапный отказ от нее совсем меня не интересовали. Я была слишком увлечена собственной жизнью и о жизни родителей в тот период мало что знала. Дежурного «все нормально» мне хватало. Родители словно остались в прошлой жизни, в уютном, любимом доме, где меня ждали и куда я могла вернуться в любую минуту. Интересно, все девицы моего возраста такие эгоистки или я в своем роде уникам?

А потом грянул гром... Папа позвонил ближе к вечеру и спросил: «Мама не у тебя?» В голосе странная нерешительность и беспокойство.

— Нет, — ответила я, даже не догадываясь, что приготовила мне судьба. — Она хотела приехать?

— Нет... Не знаю. Она звонила сегодня?

— Нет, — вновь ответила я и подумала: странно, что мама не звонила ни разу за весь день. Непохоже на нее. Это я могла забыть и не позвонить, но не она.

— Меня это беспокоит, — сказал отец. — Не могу до нее дозвониться.

Я уверила себя: мама просто забыла подзарядить мобильный. Несколько раз набирала ее номер, а потом отправилась с подругой в кино.

Вторично отец позвонил в полночь. Мамы не было ни на работе, ни дома. На звонки она упорно не отвечала. Теперь в его голосе была настоящая паника.

— Мама не звонила?

— Нет.

Только тогда появилось беспокойство. Но я по-прежнему была уверена: все непременно обойдется и объяснение ее поведению будет простым и даже забавным. Святая наивность маменькиной дочки, которая считает: ее родители вечные и с ними никогда ничегошеньки не случится.

На ночном поезде я приехала домой, хотя папа и возражал. Думаю, он не переставал надеяться, что мама появится у меня.

В восемь утра мы отправились в полицию, потом ждали звонка дни напролет, не отходя от телефонов, сначала счастливого известия, которое вернет нашу прежнюю жизнь, затем — какого угодно.

Само собой, я расспросила папу о том последнем дне. Накануне они гостили у Вяземских, давних друзей. Вернулись поздно. В девять утра у отца важная встреча, он уехал из дома в восемь тридцать пять. Маму будить не стал. В одиннадцать сорок она появилась возле офиса, приехала на своей машине. Ее заметил охранник. На записи видеонаблюдения машину хорошо видно. Мама подъезжает, ставит